

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ В РИСУНКАХ ДЕТЕЙ

*Мы растем по направлению к миру,
из которого сами выходим себе навстречу.*

*Из книги «Индивидуальность цвета»,
Элизабет Валнер-Тох, Жерард Валнер*

Все дети начинают с рисования больших кругов, которые берут начало в каких-то далеких мирах.

Так ли уж неправильно рассматривать эти первые детские каракули в соответствии с ритмическими движениями самих космических энергий?

Не напоминают ли нам эти петли на бумаге планетарные орбиты?

И не находим ли мы в них соответствия с плавными ритмами жидкостей?

Действительно, не могут ли эти круговые и петлеобразные линии в рисунках маленьких детей быть рассмотрены как отражение движения жизненных сил, протекающих в самом его организме?

Ребенок этого возраста находится в полном единстве, полном слиянии с могучими таинственными вселенскими ритмами, которые для нас взрослых забыты, но становятся видимыми на бумаге.

И если взрослый спросит ребенка, что он рисует, он никак не сможет объяснить их содержание.

В своих рисунках ребенок приоткрывает миры и указывает на царство, с которым в этом возрасте он внутренне находится в полном единстве.

Эти первые рисунки задолго до изобразительного периода наглядно, впечатляюще и внушительно демонстрируют нам, как интенсивно и напряженно живет ребенок в движении и ритме.

Карандаш делает видимыми эти танцевальные движения великой хореографии космоса, вселенной.

Объяснение ранних детских рисунков всегда останется неудовлетворительным, если мы не заглянем глубже, а остановимся, растолковав их только анатомией тела ребенка и его физическими возможностями.

Могут ли все виды каракуль быть объяснены только его механически и двигательными функциями?

Середина и конец третьего года являются решающими.

Давайте сделаем для себя совершенно ясным, что происходит. Вот ребенок стоит возле низкого столика и, тяжело дыша, рисует на бумаге закругленную линию. Со всей только возможной сосредоточенностью он старается соединить конец этой линии (неважно, насколько она кривая и неровная) с ее началом и тем самым закрыть круг.

Огромный вздох облегчения извещает об окончании и удовлетворении: небольшое замкнутое пространство отделено от остального мира совсем не случайно, а с четким намерением и очень осознанно. Раз за разом, снова и снова без усталости ребенок это повторяет как утверждение чего-то.

В течение нескольких дней он заполняет кругами огромное количество бумаги.

Это время, момент, когда ребенок впервые осознает себя как «Я» и приносит «Я» осознанно.

Ребенок осознает себя чем-то, что не существует повсюду, и впервые встречает окружающий мир лицом к лицу в новом качестве.

Он, безусловно, и раньше был самостоятельной личностью, но до этого времени им самим это было не осознано.

Постижение этого факта шло параллельно физиологическим изменениям его черепных костей, — в результате они плотно соединились, мозжечок закрылся: ребенок испытал свое «отделение».

Детское сознание, до этого момента всецело открытое космосу, вселенной, идентифицировало себя со всем окружающим, чувствовало себя полностью единым, защищенным и проявлялось больше снаружи, чем внутри самого ребенка.

Линия теперь — не просто движущаяся линия, а граница между внешним и внутренним.

Теперь ребенок хочет «поселиться в себе», и это видно в его рисунке. «Я закрыл это!» — комментирует он свою замкнутую линию на бумаге.

Линия теперь — не просто движущаяся линия, а граница между внешним и внутренним.

Арнольд Гезелл был старшим в семье из пяти детей и, наблюдая за ростом и образованием своих младших братьев и сестер, рано заинтересовался вопросами развития детей. Посвятив этому всю свою жизнь, став знаменитым дет-

ским психологом и педиатром, работая в Йельском университете, он сказал: *«Знания о ребенке надежны примерно так же, как карта мира XV века. Детские каракули могут помочь взрослым сделать эту карту более надежной».*

Теперь мы призываем самих детей помочь нам понять их рисунки!

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Понимание периодов развития художественного творчества ребенка усиливается, если посмотреть на них в связи со ступенями развития цивилизации и эволюции сознания.

Очень наглядно можно увидеть параллели между рисунками маленького ребенка и художественным наследием древней истории и культуры: символы в детских работах можно также увидеть в памятниках древних культур.

Изобразительное искусство феноменально уже тем, что описать это практически невозможно, настолько оно очевидно.

Глядя на линии в пещере Пеш-Мерль во Франции или долину в Оуэнс в Калифорнии, не сталкиваемся ли мы с каракулями человечества?

А камни Carcchenna (Graubünden) под открытым небом в швейцарских Альпах, обнаруженные в 1965 году, и коридорная гробница Sarrnis на маленьком острове Морбиан (Британия) не свидетельствуют ли о том, что мы имеем дело с языком символов, которые являются корнями всего происходящего?

В своих рисунках ребенок бессознательно «описывает» различные уровни сознания, которые параллельны с эпохами развития человечества.

Временное разделение первых семи лет очень наглядно демонстрирует этот феномен.

Не рисует ли он формы из той жизни, когда наш мир был очень юным?

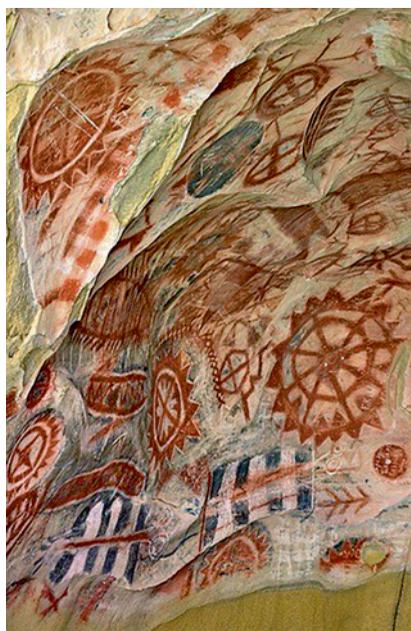
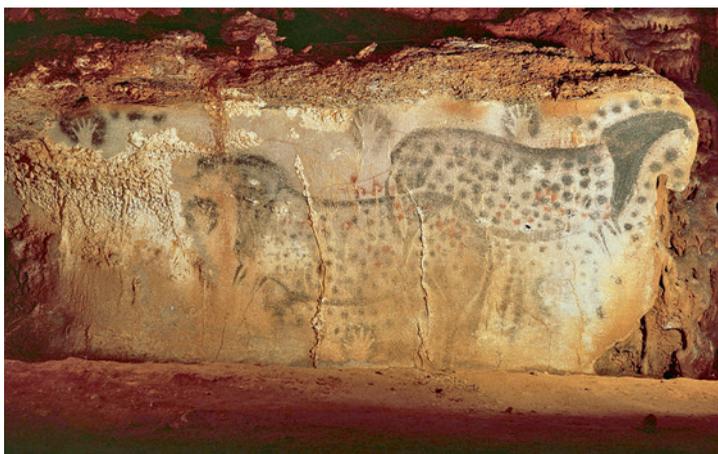
Расширение и уточнения этой точки зрения мы находим у Рудольфа Штейнера, который показывает этапы развития человечества в связи с историей цивилизации, когда сознание проходило от сонно-мечтательной фазы «ясновидящего» к сознательному восприятию окружающего мира.

Не являются ли детские рисунки отпечатками, следами на пути взросления человечества?

На следующих фотографиях из музея Musee De L'Homme в Париже изображены наскальные рисунки времен палеолита (каменный век 2,5 млн лет назад), обнаруженные в Испании.

Их линии, формы, узоры очень схожи с тем, что мы видим в детском рисунке.

Музей человека в Париже
(Musée de l'Homme),
наскальные рисунки
времен палеолита

СЛОВАМИ ДЕТЕЙ

Предлагаю вам еще одну классификацию детских рисунков в их собственных афористических высказываниях.

1–3 года

Если взрослый спросит у ребенка, что он рисует, он ничего не сможет нам объяснить.

2–4 года

На этой стадии без помощи ребенка почти невозможно определить, что нарисовано. Если его спросить, он ответит что-то одно, а на завтра этому же рисунку может дать другое название.

3–5 лет

- А что это за историю ты здесь нарисовал?
- Это не история, это просто чтобы на это смотреть.
- А что ты рисуешь?
- Откуда я знаю. Я же еще не закончила.

*Если я заранее знаю, как будет
выглядеть моя работа, зачем вообще
за нее браться?*

Пабло Пикассо

5 лет +

К пяти годам ребенок начинает рисовать по воображению. В процессе работы он может часто приговаривать: «Это медведь... у него есть уши... еще... и еще... большие-пребольшие... у него есть ноги... много-много ног... он на них бегает... они ему помогают...»

Ставшая почти классической история:

- Кого ты рисуешь?
- Бога.
- Но ведь его же никто не видел.
- Сейчас закончу, вот все и увидят!

Теперь присаживаясь к столу порисовать, принимаясь за работу, ребенок может сказать:

- Сейчас нарисую бабушкину и дедушкину дачу и их собаку.
- Сейчас нарисую салют, который был вчера.
- Сейчас нарисую Алеше в подарок, как мы с ним на велосипедах ездили.

Король и королева. Мальчик, 6 лет. Темпера 45 × 60 см.

КАК ДЕТИ РИСУЮТ ДЕРЕВЬЯ, ДОМА, ЦВЕТЫ, ЛЮДЕЙ...

Возраст 3–7 лет

На примерах далее мы очень наглядно видим использование всего изобразительного «словаря» ребенка, все виды каракуль и форм, их комбинации, Солнца, мангалы и лучи.

Сначала дети рисуют деревья и цветы «неправильного» размера, совсем не в тех пропорциях, что мы встречаем в реальности, а в размере, необходимом ему в данном рисунке для достижения его эстетических целей: например, чтобы заполнить свободное пространство или чтобы хватило места для всех узоров, деталей, украшений внутри.

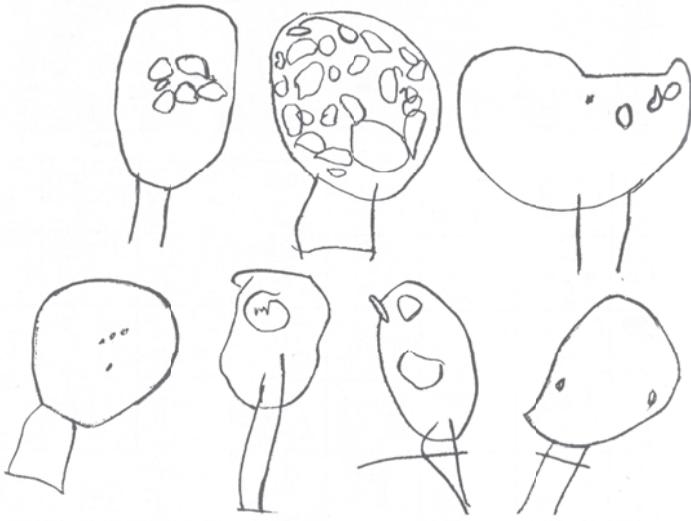

Барышни. Саша, 5 лет

Красавица. Лиза, 5 лет

Если ребенку напомнить, что размер неправильный и пригласить его посмотреть «на натуру», то такое обучение будет убивать детскую спонтанность и непосредственность, а также оскорблять его ум и сообразительность: так как каждый ребенок прекрасно знает соизмеряемые размеры настоящих деревьев, цветов, зданий и людей.

Возраст 3–4 года.
Безрукие люди, сделанные детьми,
которые еще не рисуют деревья

Возраст 5–7 лет.
Деревья, напоминающие людей
с добавлением рук

Возраст 4–7 лет.
Деревья, похожие на людей
с добавлением к голове деталей, голове
не необходимых: это цветы и плоды

Возраст 5–7 лет.
Деревья с использованием
принципов «мандалы»

Иллюстрации на с. 69–71 предоставлены из книги Роды Келлог
«Анализируя детское искусство» (Rhoda Kellogg «Analyzing children's art»)

Возраст 5-7 лет.
Деревья, напоминающие Солнца

Возраст 5-7 лет.
Деревья, выполненные лучами

Возраст 5-7 лет.
Деревья с кроной
и внутренними ветками

Возраст 5-7 лет.
Деревья с ветками без общей
контурной линии

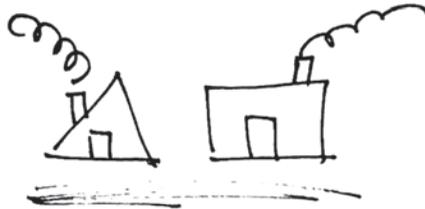
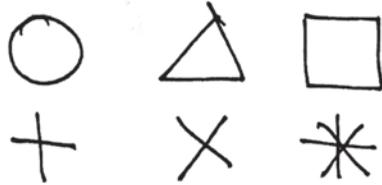

Возраст 5–7 лет.
 Разнообразие форм рождественской елки.
 Общим являются только «елочные игрушки»

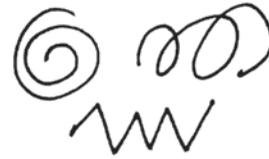
Возраст 4–7 лет.
 Цветы. Многие из них включают форму солнца и мандалы

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

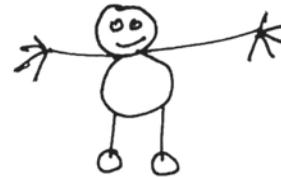

Дом больше характеризует структурное развитие ребенка

ДИНАМИЧНЫЕ ФОРМЫ

Возраст 2 года

Возраст 3-4 года

Возраст 5 лет

Возраст 6-7 лет

Человек более характеризует конституционное функциональное развитие ребенка

Эти типичные рисунки демонстрируют общее взросление ребенка, стадии его физического и физиологического взросления. Рисунки человека о том, как происходит процесс осознания «географии» своего тела.

Для Хана Страуса (1883–1946), художника и учителя, исследование детского рисунка стало основной темой его жизни. Его особенно интересовали не эстетические качества детских работ, а спонтанные, «чистые» рисунки детей, выполненные без влияния со стороны взрослого, «свободные» от их вмешательства.

После его преждевременной смерти при поддержке друзей его работу продолжила его дочь Михаэла Страус.

Она заметила, что рисунки в коллекции ее отца, выполненные до Второй мировой войны, в целом отличались от послевоенных. Их образы яснее, четче и более выразительные, чем вторые. Это заставило задуматься, не является ли это результатом все чаще встречающейся нервозности и перевозбужденности современных детей.

Заметим, что ее книга «Как понимать детский рисунок» (Michaela Strauss «Understanding children's drawings») была издана в 1978 году!

Спустя много лет наблюдения, сделанные в недавнее время (особенно в больших городах), только подтверждают, что «классический путь развития» рисунков детей до 7-летнего возраста уже не у всех виден. Для этого может быть несколько причин. Но несомненно, массовое перевозбуждение нынешней жизни является одной из основных.

Детские работы гораздо выразительнее, чем слова. Они зримо демонстрируют формирующие силы детского организма не только во всей их сложности, но также во всей совокупности и красоте.

ИСТОРИЯ ПРО РЕЙМОНДА, 14–18 лет

Из этой главы мы узнали, что для детей без каких-либо серьезных отклонений все стадии развития детского рисунка обязательны, что дети проходят каждую из них, но с различной скоростью, что у некоторых происходит «застревание» или возвращение в предыдущую стадию.

Во время работы над этой книгой у меня произошла встреча с учеником, чей возраст и особенности рисунка удивили и озадачили меня явным несоответствием. Реймонду 15 лет, но вот рисует он как 5-летний. Не в том смысле, что рисует он «плохо» для своих лет, а в том, что он использует приемы изображения, которыми пользуются 5–6-летние дети и только ими!

Реймонд и его младшая сестра, выросшие в двуязычной семье, многие годы были на домашнем обучении, так как из-за работы отца семья переезжала из страны в страну. Так что, когда в 15 лет Реймонд поступил в 9-й класс, он впервые оказался в школе и в кругу сверстников.

У него очень приятная внешность, и с его ростом 193 см он тут же стал вратарем школьной футбольной команды. Он всегда спокоен, ровен, ведет себя просто и с достоинством — ученики его сразу полюбили. Реймонд со всеми очень вежливый и нередко в конце урока благодарит учителей, говоря, что ему очень понравился урок, что было интересно.

В сентябре на первом уроке рисования я сразу для себя отметила: не умеет, но ничего, научим. Но не тут-то было.

Его невысокие художественные способности создавали немало сложностей для учителей физики, химии, где надо зарисовывать эксперименты, для учителей истории, где надо рисовать карты, архитектуру и т. п. Всем было очевидно, что его надо «подтянуть». Учителя и родители попросили меня помочь ему после уроков с домашним заданием. Для урока физики надо было изобразить земной шар: один с континентами, а другой в разрезе.

Нарисовать круги и континенты не удалось. Тогда нарисовала я и предложила повторить. Не получилось. Тогда я нарисовала для того, чтобы он раскрасил, но и удовлетворительно раскрасить цветными карандашами тоже не получилось: вместо растушевки были неровные штриховки, как у маленьких детей с выходом за контур. Пришла «спасительная идея» вместо рисования вырезать кружок из цветной бумаги, но Реймонд не знал, как пользоваться циркулем. Обвели чашечку. Ножницы вместо плавного круга вырезали кривоватый многосторонник.

И в тот день, и, впрочем, в течение всего 9-го класса я переживала калейдоскоп эмоций: удивление, недоумение, раздражение, неудовлетворение, бессилие, разочарование, безысходность, безнадежность и, конечно же, как без этого — тревогу, что скажут родители (ведь это даже не кружок, а платная школа).

А родители, к моему удивлению, были очень рады, довольны успехами сына и регулярно меня благодарили. Реймонд тоже был доволен и явно любил все свои художественные произведения. Одноклассники над ним не подсмеивались. Во-первых, это в целом неприятно, а во-вторых, им нравилось с ним беседовать во время уроков — он невероятно много читал, оригинально нестандартно думал, у него было своеобразное чувство юмора, все знали, что он хочет быть президентом. А сам Реймонд, казалось, и не видел разницы в своих работах, не замечал, что у него «не как у всех», а по-другому. Хотя, с другой стороны, «по-другому», естественно, было у всех.

В конце учебного года было очевидным, что ученик доволен, родители довольны, недовольна Я. Измениться необходимо было мне. Перед тем как окончательно «сдаться», я решила пригласить Реймонда в мои летние детские классы — пускай попробует поработать темперой, акварелью, сделает мозаику, хуже не будет. Он и родители с радостью поддержали идею. В течение двух недель Реймонд исправно без опоздания приходил на занятия, нисколько не смущаясь, что остальным детям было 6–9 лет. Он опять же не испытывал неловкости, чувства неполноценности, не «видел», что у него получается еще более по-детски, чем у них. И опять же младшие дети очень любили с ним беседовать, он дружелюбно отвечал на их вопросы, сам спокойно с удовольствием рисовал без каких-либо сомнений.

На его работах все выглядело плоско, лаконично. Краски не сильно смешивались, и только под моим «нажимом» или советом. У людей отсутствовала шея, ладони, руки росли не из плеч, а из середины туловища. Если я обращала на это его внимание, он замечал разницу, удивляясь говорил «о, да!» и исправлял. А в остальном он всегда был полностью удовлетворен своими работами, они все ему нравились. На мой вопрос: «А какая тебе больше всех нравится?», он, задумчиво посмотрев на каждую, ответил: «Они мне все нравятся одинаково».

Я очень рада, что провела с Реймондом две недели, многому научившись. Наконец я успокоилась сама и, наконец, действительно оставила его в покое. Но не из-за безнадежности, а по двум иным причинам. Во-первых, мой искренний интерес, внимательное наблюдение и разговор с родителями помогли моему желанию быть «правильным» учителем для Реймонда.

На мой вопрос, не возражает ли он, если я приду к ним домой, он отозвался с энтузиазмом, видно было, что он даже обрадовался, и дома с гордостью еще раз показал все его аккуратно сложенные работы 9-го класса и разрешил их сфотографировать для книги.

Родители рассказали, что в детстве Реймонд почти не рисовал, не вырезал, не клеил, не раскрашивал. Видя, что ему это не интересно, они не настаивали и учили его только тому, что сами любили и хорошо знали. (Его младшая сестра, кстати, рисует прекрасно.) Не удивительно, что родители рады всему, что он приносит из школы — ведь это практически его первые художественные работы.

Мама, которая в основном занималась обучением детей, говорила: «Наверное, я очень перед Реймондом виновата, что проглядела эту сторону и разрешила ему не рисовать». А папа: «Не волнуйся, дорогая, не ругай себя, оставь его в покое. Посмотри, у меня вырос чудесный сын, прекрасный человек, рисует, как рисует».

Вторая причина, по которой я перестала переживать: я вдруг, в одночасье забыв о возрасте, просто влюбилась в его творчество. Я стала любить его работы, как можно любить наскальную живопись на заре человечества, как искусство художников-примитивистов, как просто совершенно индивидуальные работы уникального человека, которого я принимаю таким, какой он есть. И ничего больше не хочется мне исправлять. Одноклассники часто в восторге от его находок, а я с нетерпением жду новых.

На выпускной Реймонд пригласил самую красивую одноклассницу. А его родители очень горды, что эта история вошла в книгу.

Работы Реймонда из летнего класса

Пейзаж.
Встреча
дня и Ночи
Темпера,
50 × 65 см
Время работы
2 часа

Комментарий: темперой Реймонд работал впервые. Видя, как он линией поделил небо на 2 половинки и методично закрашивает небо красными полосками, в какой-то момент я не удержалась и, спросив разрешения (естественно, он вежливо сказал «да»), показала, «как надо» смешивать краски и, по-моему мнению, испортила работу. Это чудесное пятно в середине видно сразу над линией горизонта. А самая любимая мною деталь — это танцующая вокруг луны ленточка звезд.

Ангел
Масляная пастель 45 × 60 см
Время работы 2 часа

Комментарий: в этой работе я напомнила о шее и ладонях.

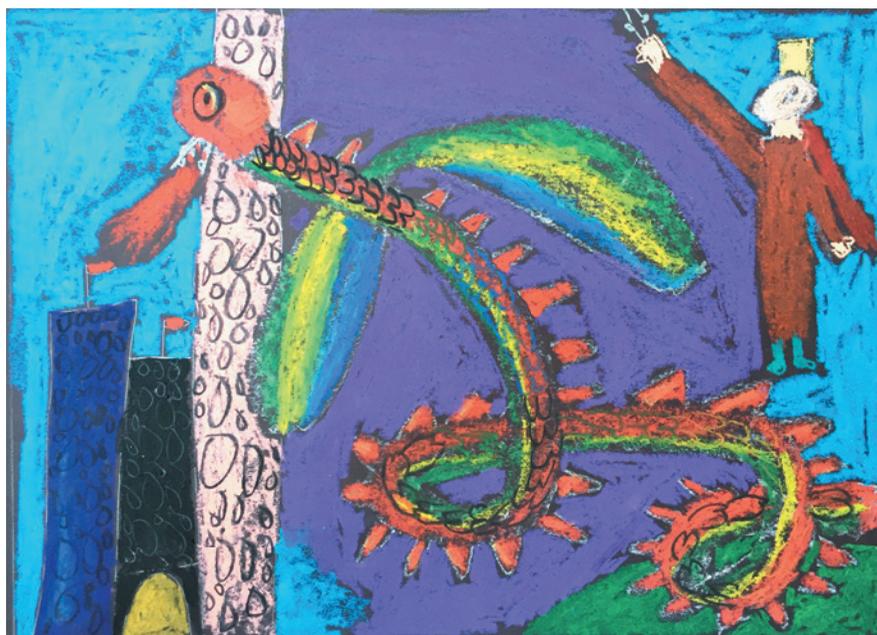
Подсолнухи
Темпера, 50 × 65 см
Время работы 2 часа

Комментарий: спустя время эта работа стала моей любимой. Но в процессе ее создания я этого еще не знала и опять из-за моей нетерпеливости и неверия в Реймонда сделала то же самое, сказав, что небо хорошо бы сделать потемнее и мазки класть поплотнее. Это видно внизу слева от смотрящего на нас цветка. Моими любимыми находками стали прозрачная ваза, зеленые листья и вертикальная линия желтых кружков вдоль стебля правого цветка.

Лето и зима
Акварель, 38 × 55 см
Время работы 2 часа

Комментарий: мне очень нравится очаровательный дым из трубы. Возможно, в данное время точки и кружочки, выстраивающиеся в линии, — характерный прием Реймонда.

Дракон
Масляная пастель,
45 × 60 см
Время работы 2 часа

Комментарий: одной из характерных особенностей рисунков маленьких детей являются парящие в пространстве фигуры людей. В целом работа очень красивая, с хорошей композицией.

Кот
Мозаика,
60 × 60 см
Время работы
8 часов
(4 дня по 2 часа)

Комментарий: на уроках ИЗО Реймонд никогда не говорит: «Я не умею. Помогите. Не получается. Я не знаю, как».

Он всегда знает как. Так же, как это знает каждый 5–6-летний ребенок до тех пор, пока кто-нибудь не сказал, что что-то в его рисунке неправильно, а мы знаем, что его никто в детстве не критиковал, т. к. он просто не рисовал и сейчас ему надо пройти самостоятельно все этапы развития детского рисунка. У него, как и у маленьких детей, не стоит вопрос, как получилось?

Решение изобразить кота. Вот кот. И в том, что это именно кот, сомнений нет. Его тело собрано, как из конструктора простых геометрических форм: круг, прямоугольник и треугольники для ушей.

Реймонд долго не мог решить, какой из синих оттенков будет лучше для фона, и я предложила ему использовать все поочередно. Работа прекрасная!